

Деревня пылала. День начинался как любой другой после окончания гоблинской войны. Сэл, заключив мирный договор, вновь отправил гоблинов в странствия. Анастасий, наоборот, решил задержаться, и Сэл позволил ему это, зная о его страсти к архивной работе. Сам же Сэл планировал уехать за границу, но пока не определился с направлением. Китай? Южные страны? Африка, может быть? Но его планы рухнули, когда над лесом поднялся густой дым. Вместо того, чтобы следовать намеченному курсу к побережью, Сэл повернул в сторону, где дым застилал небо. Перед ним предстала объятая пламенем деревня. Он пристально вглядывался в нее, не спеша принимать решение. Врываться в неизвестность, не зная, как действовать, - не лучший способ. Поэтому он активировал зрение василиска. Его использование, как и вся магия Фирболга, истощало силы. А тепловое зрение, без открытия второго века, было особенно изнурительным. Но Сэл не мог позволить себе убивать невинных, просто потому что оказался свидетелем их беды. Сначала он видел только дым, но постепенно сквозь него проступили фигуры, бегущие в панике, плачущие, кричащие. Зрение василиска показывало, что большинство жителей собрались в центре деревни - вероятно, на рыночной площади. Что было странно. Зачем им собираться там, если их дома горят? Сэл осторожно приблизился к деревне, наложив на себя беззвучное заклинание иллюзии и защиты от огня. Он двигался к рыночной площади, следуя за силуэтами жителей, которые проступали сквозь тепло огня. Там, на площади, он увидел жителей, сбившихся в кучу, с плачущими детьми у ног родителей. Во внешнем кругу стояли мужчины, за ними женщины с испуганными, но решительными лицами, а в центре - дети и раненые. В руках у мужчин были жатвенные крючья, топоры, грабли - единственное оружие, доступное простым мирным жителям. Мирская деревня, сражающаяся за свою жизнь. Их противники были огромными, крепкими воинами, вооруженными топорами, мечами и другим, настоящим оружием - не самодельным, как у жителей деревни. Сэл узнал их одежду. Некогда он носил такую же, но это было задолго до возвращения в Британию. Викинги. Они пришли за добычей, а жители деревни оказались в их смертельной ловушке, лишённые возможности бежать. Сэл вздохнул. Он знал, что в этот раз ему не удастся просто войти и выйти невредимым. Даже без мага, которых викинги редко брали в походы, их было не так легко запугать, как колдунов, с которыми он встречался полвека назад. Сэл вновь осмотрел жителей деревни. В первом ряду он увидел человека с деревянным посохом в руке. Колдун. У мужчины была сломана нога, на голове зияла рана, возможно, были переломы ребер или внутренние повреждения - Сэл чувствовал это по сдерживаемым движениям. "Безрассудство", - прошептал Сэл, качая головой. "Абсолютное безрассудство. Даже Анастасий бы подумал, прежде чем ринуться в такую ситуацию, а этот мальчик - самый безрассудный человек из всех, кого я встречал за тысячу лет! Или был. Он, похоже, не задумываясь бросился в бой и получил худшее..." Он отбросил эти мысли, возвращаясь к текущей ситуации. У него была хорошая идея, как напугать викинга. Проблема была в жителях деревни. Они тоже испугаются его, но с этим бесстрашным, а может быть, и глупым колдуном в первых рядах... Сэл вышел из своего укрытия, снимая чары иллюзии. Его длинный черный плащ затрепетал, окутываясь черным туманом. Он надел капюшон, скрывая лицо, и зачаровал свои зеленые глаза, чтобы они светились в темноте. В его левой руке появился длинный посох, ранее уменьшенный и спрятанный в кобуре, старое дерево мерцало серебряными рунами. Его плащ был распахнут, демонстрируя сверкающие кинжалы и ножи, зелья и яды, закрепленные на его серебряном поясе, сплетенном из десятков серебряных листьев. Туника тоже была черной, с изумрудно-зелеными швами и вышивкой, изображающей шипящего василиска, готового к атаке. Конечно, большая часть устрашающей одежды была трансфигурирована, но даже викингскому магу было бы сложно снять заклинания Сала. Недостатком было то, что заклинания, которые использовал Сэл, были особенно изнурительными, поскольку они были на его родном языке, Парселтонге. Не то чтобы Сэл знал другие заклинания, способные на подобное. Посох Сала не был предназначен для повседневной магии, поэтому его заклинания обычно требовали дополнительной магической поддержки. Парселтонг был одной из них, руны - другой, но руны не годились для

трансфигурации одежды. Но, по крайней мере, трансфигурация на Парселтонге имела побочный эффект: она не только выглядела реальной, но и внушала страх, не требуя большой магической поддержки. — Кто...? — прошептал Сэл хриплым голосом, который, как по волшебству, разнесся далеко за пределы костра, эхом отражаясь от каждого уголка деревни. — Кто посмел разбудить меня во сне? Сцена замерла. Викинг повернулся к Салу, неуверенно глядя на него. Сэл внутренне усмехнулся. — Ты... — сказал он, глядя на викинга и используя более древний язык Севера, понятный викингу, но звучащий чужим. — Это ты? В этот момент одна руна была послана викингу, который рухнул навзничь, покрывшись кровью. Сэл не причинил ему серьезного вреда - это были незначительные раны, но его целью было не ранить, а запугать. — Это ты, — шипел он по-норвежски, вкладывая в голос звук василиска. — Но не ты один... Его горящие глаза уставились на викинга рядом с раненым. На этот раз он не сдержался. Не колеблясь, он открыл второй век, убивая викинга мгновенно. Убийство истощило Сэла, но ужас, застывший в глазах свидетелей, был неисчерпаем. — Ты топчешь могилу моей матери! — прошипел он, посылая руну в сторону викинга, стоявшего над раненым. Тот взвыл, словно обожженный, когда его руки покрылись волдырями, будто он держал их в языках пламени, пляшущего вокруг Сэла. — Ты... — начал он, глядя на кричащего викинга, прозрачные веки которого то и дело сползали и снова закрывались. — Ты уничтожил урну моего брата... Паника прорвалась в ряды викингов, словно дикий зверь. Сэл видел их страх, их растерянность. Они видели его силу, видели, как он изрыгает огонь и мстит за своих близких. Не имея в своих рядах мага, они могли объяснить его действия лишь одним образом: он был одним из jötnar, великанов, сорвавшихся с небес в земной мир. А джётнар, когда гневались, становились чудовищами. В норвежской мифологии их не всегда считали злом, но и добрыми их не назовешь. Сэл играл на их страхах, выпрямляясь во весь рост, позволяя своим глазам гореть огнем ярости. — Я не буду проявлять милосердие к тем, кто причинил мне зло! — прорычал он, голос его был ледяным, как зимний ветер. — Вы погибнете за свои деяния! Его посох вспыхнул, излучая яркий, как солнце, свет. Он залил охваченную огнем деревню злобными тенями, рождая призрачных существ, ползущих сквозь пламя, ищущих, охотящихся.